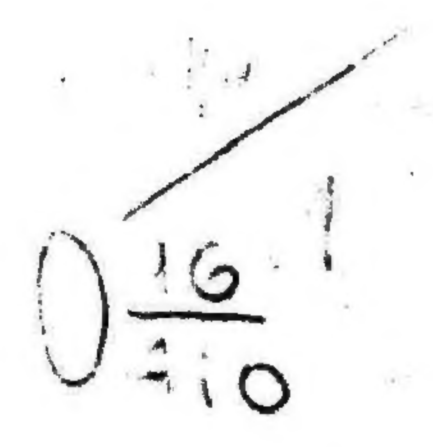
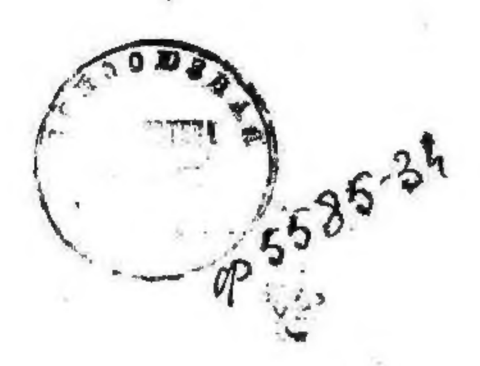

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *С. Соловьева.* Т. XXV. М. 1875.

Этотъ томъ „Исторіи Россіи“ обнимаетъ правленіе Петра III и первые полтора года царствованія Екатерины. Полугодовое правленіе Петра вызывало разныя сужденія; съ одной стороны указывали на многія либеральныя узаконенія этой поры: льготы дворянству, отмѣну тайной канцеляріи, отписаніе монастырскихъ имѣній; съ другой стороны — странная картина двора, представляемая безпристрастными современниками, между которыми первое мѣсто занимаетъ простодушнѣйшій изъ всѣхъ когда-либо жившихъ писателей записокъ—А. Т. Болотовъ — не могла не отразиться и на сужденіяхъ объ эпохѣ. Склонность къ первому воззрѣнію въ особенности замѣтна у писателей нѣмецкихъ, которые, сознавая недостатки ума и характера Петра, говорятъ объ его добромъ сердцѣ (Германнъ) или указываютъ на то, что нѣкоторыя изъ его мѣръ, напр. освобожденіе дворянства отъ тѣлесныхъ наказаній, были выше развитія и требованій тогдашняго русскаго общества (Бернгарди). Несправедливость этого послѣдняго заявленія свидѣтельствуется уже тѣмъ, что въ проектѣ фундаментальныхъ законовъ И. И. Шувалова („Русск. Арх.“ 1867 г. 85) прямо сказано: „отъ безчестной политической казни дворянство свободить“. Самое же характеристическое въ этомъ разсужденіи то, что манифестъ 18-го февраля 1762 г. вовсе не освобождалъ дворянства отъ тѣлеснаго наказанія (П. С. З. XV, 911—915). Такъ иногда разсуждаютъ о событіяхъ! Конечно, всѣ соглашались въ томъ, что правленіе Петра не могло быть продолжительно вслѣдствіе его антинаціональной политики, но всѣ однако отдавали честь его мѣрамъ. Для полнаго сужденія о Петрѣ недоставало оцѣнки сдѣланныхъ имъ нововведеній какъ со стороны ихъ практическаго удобства, такъ и со стороны вызвавшихъ ихъ мотивовъ. Въ изложеніи С. М. Соловьева мы находимъ первую вполнѣ удовлетворительную оцѣнку характера и значенія этихъ преобразованій. Поспѣшность, неполнота, необдуманность кидаются въ глаза на каждомъ шагу. Прочитавъ страницы, посвященныя авторомъ обзору этихъ законоположеній, о которыхъ, благодаря отсутствію критики, такъ долго господствовало благопріятное мнѣніе, нельзя не согласиться съ объясненіемъ, которое онъ даетъ имъ: „люди приближенные, желавшіе удержать за собою важное значеніе въ

новое царствованіе и естественно желавшіе сообщить этому царствованію блескъ, популярность, и разсѣять мрачныя мысли тѣхъ, которые знали, въ чьихъ рукахъ теперь судьбы Россіи — люди приближенные къ Петру постарались внушить ему о необходимости принять нѣкоторыя мѣры, которыя облегчать, обрадуютъ народъ; въ числѣ этихъ мѣръ было и желаемое многими освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы". Такъ падаетъ окончательно историческій предразсудокъ, державшійся очень долго благодаря запрету, лежавшему много лѣтъ на изученіи новой русской исторіи. Люди, жившіе въ эти еще недавнопрошедшіе годы, помнятъ до какихъ странностей доходили тогда сужденія, неоснованныя на точныхъ историческихъ свѣдѣніяхъ, которыхъ публика не имѣла. Живо помню, какъ лѣтъ 25 тому назадъ одинъ очень умный человѣкъ доказывалъ мнѣ, что Петръ III, какъ нѣмецкій принцъ, стоялъ въ своемъ развитіи выше окружающихъ, а потому и вводилъ цивилизующія мѣры. Не слышимъ ли мы иногда и теперь отголоски подобныхъ сужденій. Обсуждая законодательство этого времени, С. М. Соловьевъ защищаетъ извѣстный разсказъ кн. Щербатова о томъ, что манифестъ о вольности дворянства написанъ Волковымъ въ одну ночь. Извѣстно, что этотъ разсказъ опровергался на томъ основаніи, что о немъ не упоминаетъ Волковъ въ своей оправдательной запискѣ. Историкъ доказалъ, что ему было невыгодно упоминать объ этомъ актѣ. Эта защита — новый примѣръ той блистательной критики источниковъ, которою люди, занимающіеся исторіею, нерѣдко любуются на страницахъ „Исторіи Россіи". Таковы многія замѣтки о лѣтописяхъ, такова защита знаменитаго письма изъ подъ Прута. Особенность манеры автора состоитъ въ томъ, что свое сужденіе объ источникѣ онъ основываетъ не столько на мелкихъ подробностяхъ, сколько на общемъ характерѣ лицъ и событій. Только глубокое изученіе времени позволяетъ съ успѣхомъ пользоваться подобною методою; безъ этого условія даже самый большой критическій талантъ не даетъ возможности достигнуть этимъ путемъ удовлетворительныхъ результатовъ; но ясно, что только на этой почвѣ историкъ можетъ чувствовать себя вполнѣ крѣпкимъ. Какъ полно обсуждена авторомъ законодательная дѣятельность этого несчастнаго полугода царствованія Петра III, также полно разсмотрѣна и внѣшняя политика: неблаговременное окончаніе прусской войны, антинаціональный союзъ съ Фридрихомъ, стремленіе начать безполезную и нежелательную для страны войну съ Даніей. Вообще никогда еще въ русской литературѣ, при полной объективности, не выставлялся такъ наглядно характеръ этой печальной поры, никогда такъ цѣльны не были представлены ея различные элементы. Едва ли не слѣдуетъ считать оцѣнку почтеннаго историка окончательнымъ приговоромъ науки тѣмъ болѣе, что открытіе новыхъ существенныхъ матеріаловъ уже сомнительно: свидѣтели съ обѣихъ сторонъ выслушаны, показанія ихъ взвѣшены и провѣрены показаніями людей постороннихъ: слѣдственно, если найдутся новые матеріалы, то они измѣнятъ только подробности, но общая картина останется неприкосновенною. Изображеніе великой Екатерининской эпохи только что начато историкомъ и, вѣроятно, займетъ никакъ не меньшее число томовъ, чѣмъ изложеніе царствованія Елизаветы, кото-

рому посвящено четыре тома (21—24). Много силъ, много вниманія надо употребить на изученіе времени, создавшаго общественное устройство, въ которомъ жила Русская земля почти сто лѣтъ и многія черты котораго сохранились и до сихъ поръ, поставившаго широкія основы русскому просвѣщенію, призвавшаго къ болѣе правильной жизни литературу, дотолѣ служившую только увеселеніемъ или средствомъ правительству говорить съ народомъ — словомъ, пытавшагося опереться на организованныя общественныя силы. Это время было не менѣе важно для внѣшнихъ отношеній государства, чѣмъ для внутреннихъ: „не знаю какъ при васъ, — говаривалъ князь Безбородко, — а при насъ ни одна пушка въ Европѣ не стрѣляла безъ нашего позволенія". Въ это время завершались старые вопросы (польскій) и шире становились такіе, которые до тѣхъ поръ едва были затронуты (восточный). Богатство матеріала уже изданнаго и еще большее богатство, остающееся пока въ архивахъ, разнообразіе произнесенныхъ уже приговоровъ — будутъ и пособіемъ и затрудненіемъ въ изложеніи этой плодотворной эпохи; пособіемъ будутъ они потому, что изложеніе можетъ быть разностороннее, — затрудненіемъ потому, что многія изъ сужденій, уже укоренившихся въ обществѣ, основаны на недоразумѣніяхъ и если бы ихъ не было, историкъ могъ бы пройти болѣе легко тѣ частности, на которыхъ теперь слѣдуетъ остановиться. Самый характеръ Екатерины болѣе сложный, чѣмъ характеръ Петра, поставленный въ обстоятельства (внѣшнія) болѣе затруднительныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ стоялъ Петръ — требуетъ очень тщательнаго психологическаго анализа. Само собою разумѣется, что ни образъ благодушной „Матушки-царицы", какою Екатерина рисовалась нашимъ дѣдамъ въ эпоху гатчинскихъ порядковъ и нашимъ отцамъ въ суровое время Аракчеевщины, ни Semiramis du Nord французскихъ историковъ, ни тонкій дипломатъ, въ образѣ котораго Екатерина является многимъ нашимъ современникамъ—далеко не соотвѣтствуютъ истинѣ и сами по себѣ только части полнаго образа этой величайшей изъ царицъ земныхъ, которой едва ли неуступаетъ сама дѣвственная королева Елизевета. Психологическое изученіе и историческая оцѣнка дѣятельности „орловъ временъ Екатерины" еще настоятельнѣе, чѣмъ изученіе „птенцевъ гнѣзда Петрова"; эти два мѣткіе эпитета свидѣтельствуютъ о геніальномъ прозрѣніи великаго поэта: дѣйствительно трудно такъ сжато представить различіе этихъ двухъ эпохъ и значеніе ихъ дѣятелей. Самый крупный изъ этихъ дѣятелей, „великолѣпный князь Тавриды", ждетъ полной и безпристрастной оцѣнки; набросокъ его физіономіи уже сдѣланъ въ знаменитой статьѣ Надеждина и въ превосходной вступительной лекціи Ешевскаго. Впрочемъ все это еще впереди; въ настоящемъ томѣ передъ нами первые шаги Екатерины, поставленной въ затруднительное положеніе и во внутреннихъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. Внутри, по выразительному слову С. М. Соловьева объ Елизаветѣ, приходилось „проходить между толкающимися людьми, никого не толкая", что̀ было затруднительно въ виду необычнаго начала царствованія и минованія наслѣдника *предполагаемаго;* а между тѣмъ стояли неотложные вопросы, наскоро рѣшенные въ предыдущее царствованіе, между которыми первое мѣсто занимаютъ вопросы о секуля-

ризаціи церковныхъ имуществъ. Во внѣшнихъ отношеніяхъ слѣдовало прилаживать союзы европейскіе къ настоятельно встающему польскому вопросу. Таково было вообще положеніе Екатерины; подробности, приводимыя историкомъ въ хронологическомъ порядкѣ, рисуютъ живую картину всѣхъ этихъ затрудненій: надо было удовлетворить старыхъ приверженцевъ, не оскорбить нѣкогда вліятельнаго, нѣкогда пострадавшаго за нее Бестужева-Рюмина, сохранить тѣхъ изъ дѣятелей времени Петра, которые еще могли быть нужны (напр. временно Глѣбова, постоянно Румянцева), сохранить Миниха; нужно было пріобрѣсти народное сочувствіе, вслѣдствіе всего этого долго живутъ въ Москвѣ, ѣдутъ въ Ростовъ и т. д. Лучшій примѣръ тому, какъ съ первыхъ же поръ внимательно относится новое правительство къ тѣмъ вопросамъ, на которые легкомысленно смотрѣло старое, служитъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ: обсужденіе его Императрица поручила коммиссіи подъ предсѣдательствомъ архіепископа Новгородскаго (потомъ митрополита) Димитрія Сѣченова. Результаты дѣйствій этой коммиссіи авторъ представитъ, вѣроятно, въ слѣдующемъ томѣ; а здѣсь онъ только останавливается на прискорбной исторіи Арсенія Мацеевича. Сужденіе историка объ этомъ столкновеніи едва-ли не самое умѣренное и безпристрастное: охарактеризовавъ положеніе вопроса до временъ Елизаветы, авторъ продолжаетъ: „въ началѣ второй половины вѣка снова поднимаетъ вопросъ дочь преобразователя, которую нельзя было заподозрить въ недостаткѣ благочестія или въ „философскомъ умѣ" (которымъ такъ любовалась въ себѣ Екатерина), и эти обстоятельства уже показывали, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ такъ, какъ былъ рѣшенъ въ XV вѣкѣ, и Арсеній палъ, защищая въ XVIII вѣкѣ мнѣніе Іосифа Волоцкаго. Но какъ бы историкъ ни отнесся къ этому мнѣнію, нельзя не признать за Арсеніемъ мужества въ отстаиваніи своего мнѣнія до конца. Онъ просилъ снисхожденія, просилъ, чтобы мнѣніе его было прочтено внимательно, въ цѣлости, надѣясь, что убѣдятся его резонами; но не жертвовалъ своимъ убѣжденіемъ для полученія прощенія, освобожденія отъ наказанія, онъ закончилъ свою просьбу словами: „я и теперь утверждаю, что деревень отъ церквей отбирать не надлежало". По вопросу о правахъ дворянства составилась также коммиссія; любопытное мнѣніе гр. Бестужева-Рюмина по этому поводу, указывавшаго на необходимость выборныхъ отъ дворянства по губерніямъ, напечатано въ „Исторіи Россіи". Коммиссія, устранивъ эти мнѣнія, остановилась только на одномъ средствѣ привлеченія дворянства къ службѣ, на вкорененномъ уже воспитаніемъ честолюбіи,—что было очевидно невѣрно. Екатерина, не соглашаясь съ коммиссіей, отложила дѣло; оно было рѣшено только въ 1785 г. Любопытныя пренія по вопросу о раскольникахъ, проложившія — по выраженію историка — „путь къ такъ называемому единовѣрію", тоже указаны въ разбираемой книгѣ. Хроническіе вопросы: подкупность администраціи, волненія крестьянъ возбуждаются и въ это время; за ними историкъ слѣдитъ усердно; но въ особенности важенъ въ эту пору вопросъ объ управленіи Малороссіи. Въ концѣ 1763 г. поднялся въ Малороссіи вопросъ о наслѣдственности гетманскаго достоинства; сообщая, на сколько намъ извѣстно, въ первый разъ

точныя свѣдѣнія объ этой агитаціи, которая подала поводъ уничтожить гетманство, авторъ отлагаетъ изложеніе дальнѣйшаго хода дѣла до слѣдующаго тома. Изъ дѣлъ внѣшнихъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ польскій и переговоры по случаю ожиданій, а потомъ скоро и случившейся смерти Августа II. Передавая съ своей обычной обстоятельностію всѣ перипетіи дипломатическихъ сношеній, авторъ сообщаетъ много и новаго и въ высшей степени важнаго. Дѣла польскія повели къ союзу съ Пруссіею. Вотъ какъ историкъ оцѣниваетъ въ этомъ случаѣ политику Екатерины: „миръ былъ нуженъ Екатеринѣ по непрочности ея положенія, по желанію заняться внутренними дѣлами, улучшить положеніе народа, пріобрѣсти этимъ право на его привязанность, оправдать событія 28 іюля, — для всего этого нужны были деньги и нужно было прекратить расходы на заграничную армію. На войну важно было рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ; но предстояла ли эта крайность, надобилось ли охранять цѣлость имперіи и значеніе ея въ Европѣ, нужно ли было сдержать сосѣда сильнаго и неразбиравшаго средствъ для достиженія честолюбивыхъ цѣлей? Этотъ упорный сосѣдъ былъ уже сдержанъ". Выше авторъ замѣчаетъ вѣрно, что „за всѣ нравственныя невыгоды, за всѣ неловкости прусскаго мира отвѣчало предшествующее правительство". Указавъ на то, что дальнѣйшее ослабленіе Пруссіи послужило бы только въ пользу Австріи, авторъ доказываетъ пользу этого союза въ дѣлахъ польскихъ. „Слабая Польша — говоритъ онъ — представляла изъ себя открытую арену для борьбы Россіи, Пруссіи, Австріи, Турціи, Швеціи, Франціи. Борьба производилась съ особенною силою при королевскихъ выборахъ, и къ этой-то борьбѣ надобно было теперь готовиться. Могъ быть выбранъ или иностранный принцъ, или природный полякъ, какъ говорилось тогда, пяста. Интересъ Россіи требовалъ такого короля, который былъ бы избранъ исключительно по ея вліянію, былъ бы ей одной обязанъ престоломъ и потому могъ бы отслужить ей за это удовлетвореніемъ ея требованіямъ, которыхъ было три: облегченіе участи православныхъ русскихъ, опредѣленіе границъ, возвращеніе бѣглыхъ. Польша была слаба, а между тѣмъ сильная Россія не могла отъ нея добиться ничего относительно этихъ требованій, что производило сильное раздраженіе, ибо нарушало существенные интересы и достоинство Россіи. Понятно, какъ важно было для Екатерины, чтобы эти требованія получили удовлетвореніе въ самомъ началѣ ея царствованія, особенно первое, чтобы она для русскихъ людей явилась защитницею православія, отвѣтила дѣломъ на призывъ Конискаго въ его знаменитой рѣчи послѣ коронаціи, а въ глазахъ европейскихъ философовъ явилась защитницею свободы совѣсти, укротительницею католическаго фанатизма. Первымъ искателемъ польскаго престола былъ сынъ Августа III, наслѣдный принцъ саксонскій; но онъ не удовлетворялъ главному условію, не могъ быть возведенъ на престолъ исключительно съ помощью Россіи: его поддерживала Австрія и Франція, подъ преимущественнымъ вліяніемъ которыхъ онъ и долженъ былъ находиться". „Фридрихъ II, благодаря окончательному выходу Россіи изъ войны, пріобрѣталъ возможность заключить выгодный миръ, удержать Силезію; но онъ хорошо зналъ, что Австрія, именно за это, будетъ питать къ нему

постоянную вражду; сблизиться съ Францiею не было надежды, съ Англiею была болѣе, чѣмъ холодность, и потому Фридрихъ долженъ былъ заискивать дружбу съ Россiею, для чего нужно было предложить содѣйствiе въ курляндскомъ [1]) и польскомъ дѣлѣ. Фридриху было, разумѣется, выгодно отстраненiе принца изъ враждебнаго ему саксонскаго дома; онъ соглашался на пяста, соглашался именно на того, кого избрала Екатерина. Она избрала своего стараго знакомаго, Станислава Понятовскаго".

Изъ нашего краткаго изложенiя читатель увидитъ, что интересъ „Исторiи Россiи" не только не падаетъ, но еще возрастаетъ съ каждымъ томомъ, что сочиненiе это по прежнему представляетъ и много новыхъ фактическихъ данныхъ и много умныхъ сужденiй.

К. Бестужевъ-Рюминъ,

профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета.

---

[1]) Въ Курляндiи сидѣлъ саксонскiй принцъ Карлъ, но рѣшась отстранить саксонскую кандидатуру на польскiй престолъ, Екатерина рѣшилась и въ Курляндiи замѣнить Карла прежнимъ герцогомъ—Бирономъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Марта 1877 года.

въ типографiи в. безобразова и комп. (вас. остр., 8 л., д. № 45).